

всех не думал». Он спрашивается о здоровье и успехах детей. «Мучает меня очень то, что в настоящую минуту ничем не могу помочь Вам. Мне это чрезвычайно тяжело. К Новому году, хоть из-под земли достану, а с Вами поделюсь». Это пишется, когда Анна Григорьевна беременна их первым ребенком.

Тем не менее Эмилия Федоровна числит его виновником семейных бед. Достоевский с горестью должен признать, что она «враг мой исконный (не знаю за что)» и что он – объект ее ненависти.

Эмилия Федоровна убеждена: муж продал табачную фабрику по наущению младшего брата и тем самым лишил собственную семью верного куска хлеба; во-вторых, дурным ведением «Эпохи» Достоевский разорил ее законных наследников и владельцев. (После смерти издателя на титуле журнала в этом качестве значилось «семейство М.М. Достоевского», что вызывало насмешки публики.) В письме к А.П. Майкову от 11 декабря 1868 г. Достоевский отклоняет все эти обвинения. Он говорит, что табачная фабрика была продана (всего за тысячу рублей) уже после того, как пришла в полный упадок, что журнал «спас брата от банкротства» и что по его смерти он, Достоевский, принял на себя все его долги. Кроме того, он полагает, что падение подписки было вызвано уверенностью части публики, что умер сам Достоевский, а не его брат.

Читала ли Эмилия Федоровна романы своего деверя?

В «Преступлении и наказании» изображены две немки – существа крайне несимпатичные. Одна – Луиза (Лавиза) Ивановна, содержательница публичного дома. Другая – Амалия Людвиговна (Мармеладов упорно именуется ее *Федоровной*) Липпехель, хозяйка дома, где квартируют Мармеладовы, Лебезятников, Лужин. Обе – с чудовищным немецким акцентом. Нет оснований сопрягать эти откровенно карикатурные персонажи с Эмилией Федоровной, хотя, признаться, неудовольствия ее с автором романа и не очень чистый русский выговор могли бы навести на эту игривую мысль. Кстати: однажды она ошеломила одну из родственниц известием о том, что поэт Яков Петрович Полонский именно ей, Эмилией Федоровне, сделал брачное предложение. (На самом деле оно относилось к ее дочери.) Это сенсационное признание, напоминающее известную сцену из «Ревизора», наглядно демонстрирует степень владения Эмилией Федоровной русским языком.

В 1879 г., узнав о ее кончине (его ровесница, она умерла в возрасте 59 лет от рака груди), он говорит, что «с ее смертью кончилось как бы все, что еще оставалось на земле, для меня, от памяти брата». Он замечает, что не думает, что был «очень перед ней виноват» (оговорка, указывающая, что мысль эта все-таки тяготит его), ибо «пожертвовал даже моими силами, именем литературным, которое отдал на позор с провалившимся изданием, работал как вол, даже брат покойный не мог бы упрекнуть меня с того света». На этом свете ему самому отпущено еще полтора года.

Неудобства гражданского брака

Дети Эмилией Федоровны утверждают, что их мать была очень красива.

Эту красоту, судя по всему, унаследует младшая из дочерей, Екатерина Михайловна. Она родится в 1852-м: Достоевский еще отбывал свой каторжный срок. Он вернется, когда ей исполнится семь. Дядя очень любил племянницу, которая спустя шестьдесят лет прекрасно помнила, как однажды на Рождество, когда дети собрались вокруг елки, «вдруг раздался громкий звонок и в зал торжественно вошел Федор Михайлович, ведя за руки две большие куклы для двух младших племянниц» – для нее, Кати, и маленькой Вари (той, которая умрет в 1864 г.).

После смерти брата Достоевский не забывает его детей. Он пишет Паше Исаеву: «Катю искренне целую; я уверен, что она бесподобно вы-